

МАМА 1

Распустившаяся сиреневая ветка билась в стекло. Ветер трепал ее из стороны в сторону, и Вадик она казалась мохнатой лиловой мочалкой. Просто мочалкой, никакой поэзии.

Присутствующая в гостиной семья из трех человек не казалась ему интеллигентной и уважаемой. Сын наркоман. Дочь шлюха. Папа алкаш. Мама сбежала.

Они могут сколько угодно позировать репортерам. Скалить свои холеные рожи в объектив, давать интервью, с глубокомысленным видом рассуждая о жизненных ценностях, экологии и положении беженцев в Европе, — он-то все про них знает и считает, что уважения они недостойны. А достойны как раз тех неприятностей, которые им устроила сбежавшая мамаша.

А мамаша что сделала? Перед своим побегом почти полностью опустошила счета фирмы мужа, переведя их на свой личный. А потом — в течение часа — все обналичила в банке по соседству с фирмой.

Умно?

Вадик считал, что даже очень. Не сними она деньги со своего счета, их бы просто заблокировали, и бежать было бы не с чем. Пришлось бы ей снова терпеть мужа-алкаша, который — по слухам — в последние годы начал распускать руки.

Он вообще проникся невольным восхищением к сбежавшей даме. Она единственная казалась ему достойной уважения, снисхождения и сочувствия.

Папа, когда отошел от шока, бросился к счетам сыновьей фирмы, что была «дочкой» его собственной, а сынок его тормознул. Нет, мол, папа, это мое. Сам расхлебывай свои неприятности. Не сумел бабу в узде держать. Допустил ее до бизнеса. Причем до такой степени, что она имела доступ к счетам. Вот теперь как хочешь, так и выкручивайся.

Отец, конечно, выкрутился. Он был алкашом, но не дураком. И себя подстраховал, заключая с сыном доверительный родственный контракт. Сынок по наивности полагал, что является хозяином, и папе поспешил отказать. А вышло, что он там вообще никто. Практически генеральный директор, и только.

Папа дела быстро выправил. На сына затаил злобу. Тот на него тоже обиделся. Считал себя полновластным хозяином, а на деле...

Но им пришлось объединиться в стремлении вернуть мамашу вместе с украденными деньгами. К ним примкнула и дочка, дожившая до двадцати восьми лет без определенного рода деятельности и менявшая половых партнеров со скоростью как у спортивного болида.

• *Шоу семейных секретов* •

Вообще-то она мать любила. И всегда была с ней близка. После ее бегства папа с сыном дочке это припомнили и намекнули, что содержать ее из средств семьи более не станут. Пора вспомнить, что она окончила заграничный университет, имеет блестящее образование и полученные знания давно пора применить на практике.

— А ты семейные деньги на кокс спускаешь! — орала она брату в ответ на упреки.

— Он их отрабатывает, — вступался за вероломного сыночка папаша.

— А ты, папа, пропиваешь, между прочим, больше, чем я на тряпки трачу, — огрызалась дочка. — Твой элитный алкоголь стоит целого состояния.

— Моего состояния, — резонно замечал отец.

Вступать в конфронтацию с дочерью он опасался. Он ее очень любил и еще помнил те дни, когда она называла его дядей Женей.

Нет, он был ей самым настоящим отцом. Все тесты ДНК подтвердили бы. Просто однажды на ее глазах он сильно побил ее мать — свою жену — и упал в глазах дочери ниже всех уровней. Тогда из папули и превратился в дядю Женю.

Ему пришлось дорого заплатить, чтобы вернуть ее расположение, поэтому он не сильно на нее давил.

Виталик эту троицу не просто презирал, он их тихо ненавидел. Давно бы уже отказал им в своих услугах, да деньги платились хорошие. А он за минувший год сильно поистрепался, выплачивая отступные бывшей жене. Приходилось

терпеть, делать вид, что продолжает активные поиски, и даже представлять отчеты в устной и письменной форме, подтвержденные документально.

Семья из трех человек привычно ругалась, на время позабыв о его существовании. Он продолжал рассматривать сиреневую ветку, распустившуюся минувшим майским утром. Она по-прежнему елозила по стеклу, размазывая частые капли дождя, что собирался всю неделю и сегодня наконец полил.

Очень, очень некстати. Он вырядился в светлые замшевые мокасины и белые льняные штаны. Машину был вынужден оставить за воротами. А там у них всегда грязные обочины. Если какой-нибудь лихач задумает промчат мимо него на скорости, обувь и штаны будут запачканы.

— Слышь, Коломбо. — Отец семейства поднял на него тяжелый мутный взгляд, отвлекая Виталика от невеселых размышлений. — То есть ты хочешь сказать, что она не пересекала границу?

— Если только по поддельным документам, что вряд ли.

— Чего это вряд ли? Сейчас паспорт даже школьник может сострять, — фыркнул сынок.

— Нет, Эдуард Евгеньевич. Исключено. Загранпаспорта сейчас такой степени защиты, что подделать их весьма и весьма сложно. — Он улыбнулся одними губами. — Тем более школьнику. К тому же фотографии вашей мамы и супруги разосланы по всем вокзалам и аэропортам страны. Я не полиция, но подобное практикуется

• *Шоу семейных секретов* •

и частными детективами. Это не противозаконно. И если она не делала пластических операций, что вряд ли, ее бы уже давно вычислили.

— А почему она не могла сделать пластику? — изумленно выгнула аккуратные брови дочь. — У нее для этого достаточно средств и связей.

— Да... Но не думаю, что ради бегства она пожертвовала бы своей природной красотой. Она ведь очень красива. Очень! — подчеркнул голосом Виталик и уставился на портрет на стене.

На нем сбежавшая хозяйка дома позировала художнику, стоя на носу яхты. Портрет был восхитителен. Он невероятно точно отражал ее красоту, глубину взгляда и утонченность.

Хозяину дома было о чем печалиться. Он потерял не только деньги — много денег! — но и одну из красивейших женщин. Она была его украшением. Главным бриллиантом в короне, которую он не снимал уже полтора десятка лет.

Он должен был вернуть ее домой, во что бы то ни стало! И черт с ними, с деньгами. Она обязана вернуться и снова стать хозяйкой этого шикарного дома. Чтобы, как всегда, принимать важных гостей, блистая во всей красе, тем самым сводя их с ума. Вести с их женами светские беседы. Осторожно выведывать у них секреты мужей и доносить своему Жене. Наставлять его, направлять, подсказывать. Они, как и прежде, должны соответствовать друг другу. Вызывать зависть! Он же без нее...

Никто! Да, да, он ее любил и любит. И не прав был, что поколачивал за несговорчивость.

Галина РОМАНОВА

— Хорошо, если она в стране, то где?

Евгений Иванович протянул руку к журнальному столику, подхватил тяжелый стакан, доверху наполненный виски, поднес ко рту, глянул вопрошительно.

— Страна большая, — последовал туманный ответ.

— Ты чего, Коломбо, охренел?

Он поперхнулся виски и сильно закашлялся. Эдик тут же подошел и услужливо постучал отцу между лопаток. Дочь Эльза, закатив глаза, беззвучно рассмеялась.

— В смысле? — Виталик оторвал взгляд от разлохматившейся ветки сирени. — В смысле, охренел?

— Я за что тебе такие бабки плачу?

Отец откашлялся, залпом опрокинул стакан, подышал и встал с дивана, на котором просидел, не двигаясь, последний час.

— Ты мне целого состояния стоишь, сученыш! Бумажки все какие-то носишь, отчитываешься. А по сути — дело ни с места.

Евгений Иванович шел прямо на него на нетвердых ногах. Виталик, сообразив, что может получить в лицо, поспешил отступить к двери.

— Я делаю все, что могу, Евгений Иванович, — быстро заговорил он. — Я восстановил по минутам ее последний день накануне бегства. Я нашел машину, в которую она села. Совершенно случайно...

— Совершенно случайно нашел? — хихикнул гаденыш Эдик.

• *Шоу семейных секретов* •

Его все это забавляло. Он был бы крайне рад, если бы Виталику сейчас разбили нос и выкинули на ступеньки, как ссаного кота.

— Совершенно случайно села, — поправил он с кислой улыбкой. — Она подняла руку, машина остановилась. А я нашел и машину, и водителя.

— И что дальше? Стоящего ничего не смог из этого выудить, Коломбо! — возмутился глава семьи и неожиданно остановился на середине комнаты. — Ты даже узнал, где он ее высадил и куда она потом пошла. Но ее дальнейший путь так и не отследил. Или я заспал?

Он дурашливо принялся тереть глаза и широко зевать, будто только что проснулся.

— Нет, вы не заспали. — Виталик еще раз осторожно шагнул назад и уперся задом в торец открытой двери гостиной. — Я просто потерял ее след. Она очень умело шифруется. Дайте мне еще немного времени...

— И денег! — на тонкой ноте закончил за него Эдик.

— Все, Коломбо! На этом все! — Крепкая рука хозяина, с хорошо развитой мускулатурой и ухоженными ногтями, вытянулась в его сторону с огромным кукишем. — Больше ни копейки. Ты уволен. Пошел вон отсюда!

— Евгений Иванович, но как же так? — слабым голосом возмутился Виталик. — Вы со мной еще за предыдущие действия не рассчитались, и я...

— Расчет будет, не вопрос. Я уже распорядился, деньги в конверте получишь на выходе.

Талина РОМАНОВА

Но больше я в твоих услугах не нуждаюсь. Пошел вон.

Глава семьи вернулся на диван, уперся локтями в колени, уложил лобастую голову в растопыренные ладони и застонал громко и протяжно.

Все, Виталику было пора. Он кивком попрощался с дочерью и сыном. И вышел из гостиной. На выходе его ждала горничная Маша. Сурово сжав губы, она на него едва взглянула. Сунула в руки довольно пухлый конверт и почти вытолкала из дома.

Виталик пересчитал деньги сразу за дверью. Его не обидели. Он был доволен. С делом покончено. Оно незаурядно и заведомо проигрышно. Элеонору Суворову он не найдет. Хорошо, что получилось на этом замечательно заработать. Теперь можно вернуться к текучке и полгода не забивать себе голову финансовыми проблемами. Он их решил.

А сбежавшую супругу Суворова пусть ищет полиция, если Евгений Иванович соблаговолит к ней обратиться.

ГЛАВА 2

— Илюша, привет. Чем занимаешься?

Жаркий шепот Верочки словно залил ухо горячим медом. Стало неприятно и липко.

Илья поморщился. Зачем так манерничать? Нормально говорить нельзя? Сидит дома. Одна. Никто подслушать не может. Зачем шептать,

• *Шоу семейных секретов* •

особенно так? Какой смысл корчить из себя Клеопатру, если ты простая девчонка, медсестра на «Скорой»?

— Привет. Работаю.

Для наглядности он зашуршал бумагами на столе.

— И что, для меня не найдется минутки? — последовал легкий смешок, еще более противный, чем шепот. — Хотела...

— Вера, что именно ты хотела? — перебил ее Илья. — Я на работе, понимаешь! Мне твои игрища... Вообще, почему ты шепчешь? Тебя подслушивают? Ты в толпе народа? Говори нормально, если дома и одна!

Кажется, он наорал на нее. И, кажется, она обиделась. Замолчала на пару секунд, а потом затараторила, по обыкновению проглатывая окончания. И невоспитанный он. И неотесанный. И вообще ничего не понимает в женщинах. В их посылах и знаках внимания.

Почему он с ней? Зачем?! Она раздражает его, с ней неловко, иногда стыдно. Зачем? Давно пора расстаться, а он малодушничает. Жалеет ее.

— Если, конечно, у тебя кто-то появился, и ты не хочешь вообще ничего, то...

Илья выловил в потоке упреков главное и оборвал ее словами:

— Да. Есть. У меня другая девушка. Давно хотел тебе сказать, да все никак не решался. Но раз ты сама знаешь...

— Не знала, — снова шепотом, на этот раз трагичным, ответила Вера.

— Но теперь знаешь.

— Знаю. И... — Она всхлипнула отчетливо и громко. — И как давно? Как давно ты меня обманывал?

— Это...

Он хотел сказать, что это не имеет значения, но быстро понял, что такой ответ повлечет за собой новые вопросы. И соврал в очередной раз, назвав месячный срок. Вера трижды назвала его нехорошим словом. Посоветовала обратиться к их штатному психиатру. Потребовала вычеркнуть ее из жизни, из сердца и памяти телефона. И, наконец, дала отбой.

— Не думаю, что тебе удастся от нее так просто отделаться, — тут же произнесла Кира Назарова — майор полиции, его коллега, хороший друг и наставник. — Есть женщины, которых невозможно завоевать. А есть такие, от которых невозможно отделаться. Сейчас она поразмыслит и позвонит тебе. Не знаю когда. Но первым вопросом будет: кто она? Твоя новая симпатия.

— А вторым?

Илья нервно улыбнулся. Он-то рассчитывал, что больше не услышит Веру.

— А вторым вопросом: чем та другая лучше. Ну, ты понял. Потом станет плакать, просить тебя начать все сначала. Обещать, что исправит все ошибки, на которые ты укажешь. И ты, возможно, размякнешь, дашь ей вторую попытку. Но это будет второй твоей ошибкой, Илюша. Вера никогда не изменится. Она просто такая. Не плохая, в сущности, но тебе не подходящая.

• *Шоу семейных секретов* •

— Это вторая ошибка. А первая? Какая моя ошибка первая? — Он с интересом смотрел на Киру, не переставая стучать пальцами по клавишам клавиатуры.

— Первая — ты связался с такой девушкой, как Вера. Она же не твой типаж. Зачем?

— А-а-а, понял. — Он кисло улыбнулся коллеге и помотал головой. — Если бы я был таким мудрым, как ты, Кира! Я бы и ошибок не совершал.

— Это вряд ли, — хмыкнула она, глянув поверх очков в тонкой, почти невидимой оправе. — Мудрость, юноша, это багаж, который пополняется лишь посредством прожитых лет и накопленных ошибок.

— Хочешь сказать, ты тоже ошибалась? Как я?

— Хуже! — Она едва слышно присвистнула. — Моим ошибкам нет счета. И я продолжаю их копить. К примеру...

Кира вдруг оттолкнула от себя клавиатуру, откинулась на спинку офисного кресла и мечтательно улыбнулась.

— К примеру, неделю назад я позволила одному своему бывшему пригласить меня на ужин. Знала, что мерзавец, а пошла. Зачем? От одиночества? И отвечу тебе, юноша. — Кира поставила локоть на стол, уложила подбородок на кулачок. — От одиночества. От него проклятого! Не выношу я его. Госкую. Мама уехала к себе. Характер ей мой не нравится, несносный. Я говорю: какую воспитала. Она не согласилась, обиделась и уехала. И кошка еще пропала. Даже кабельное телевидение отключили на неделю. И что

мне, скажи, было делать? В потолок выть? А тут он звонит. Мерзавец ведь! Знаю, что мерзавец, но пошла на свидание.

— И как?

Илья повеселел. Липкий шепот Веры, ее упрёки и всхлипы, — все отошло на второй план. Блеск глаз Киры, которые он втайне считал прекрасными, был весьма заразителен. А ее колкий юмор в свой адрес всегда его восхищал. Умение подшутить и посмеяться над собой он считал делом людей великих. У него так не получалось. Он к своей персоне относился весьма настороженно. Боялся обидеть и впасть в уныние.

— Свидание-то? — Кира запрокинула голову и рассмеялась. — Отстой, Илюша! Да и свидания как такового не было. Деловой ужин, скорее. Это я сама себе выдумала втихаря. Как Вера твоя.

— Ну вы, товарищ майор, сравнили. — Он рассмеялся с ней в унисон. — И как прошел деловой ужин? Что предложил мерзавец?

— Работу, не поверишь! Не трудоустройство, а поработать на него факультативно. Платить обещал по самому высокому тарифу.

— Может обмануть?

— Вряд ли. Но... — Она закинула руки за голову, обхватила затылок ладонями и со странной мечтательностью произнесла: — Но связываться с господином Суворовым... В общем, я не рискнула и посоветовала ему пойти официальным путем. Он обещал подумать.

— И подумал?

• *Шоу семейных секретов* •

— Ага. Сегодня звонил. С минуты на минуту будет здесь... Возьми его, а? У меня к нему слишком предвзятое отношение. Не смогу быть объективной. Заколю его своими шуточками.

— Так точно. Возьму. А там что-то серьезное?

— Именно то, что у тебя получается лучше всего, капитан. Только ты способен отыскать иголку не в стоге даже, а в ангаре с сеном...

Илья с обожанием смотрел на коллегу. Общение с ней для него было как родниковая вода в жаркий полдень. Как у камина согреться в лютую стужу. Как манны перехватить в страшный голод. Кира была невероятной! Красивой, умной, рассудительной. Но когда он попытался за ней приударить пару лет назад, она четко определила свою позицию.

— Илья, мало того что разница в возрасте у нас с тобой в тринадцать лет, так мы еще и коллеги. Закрутим роман, повлюбляемся друг в друга, настрадаемся потом, поскольку будущего у таких отношений нет. И в итоге что: увольнение? Я не хочу менять место работы. Дом рядом. А ты?

Он тоже не хотел.

— Вот видишь. Так что запряги свои гормоны и контролируй их. А то ишь чего удумал: увлечься самой стервозной стервой Управления. Осади назад...

Он послушался. Пару ночей не поспал, искусал губы, но счел, что в каждом ее слове своя правда есть. Ни разу больше не намекал, что его к ней тянет. И себя убеждал, что нравится она ему не

как женщина, а как коллега, профессионал. Получалось...

Дверь без стука широко открылась, и в кабинет шагнул мужчина.

— Разрешите? — вопросительно глянул он на них по очереди.

— Да, входите, — кивнула Кира и указала на стул возле стола Ильи: — К капитану, пожалуйста. Он предупрежден. Ждет вас.

Ага! Это и есть тот самый мерзавец. Илья впился в него взглядом.

На вид лет пятьдесят. Кряжистый, среднего роста. Голова лобастая, с высокими зальсинами и почти полностью состриженной растительностью цвета соли с перцем. Глаза узкие, черные, взгляд пронзительный. Как у мерзавца, которого боготворят женщины, в прорубь за ним прыгают и со скалы, сделал вывод Илья.

На мужчине, который представился Евгением Ивановичем Суворовым, была белая рубашка, тесно обхватывающая крепкое тренированное тело. Синие узкие брюки, демонстрирующие игру прекрасных мышц при ходьбе. Походка осторожная, пружинящая, как у хищника.

Он был хорош — этот пятидесятилетний мерзавец — бывший возлюбленный Киры, Илья не мог этого не признать и почувствовал сразу тот самый укол в сердце, который именуют ревностью.

— Слушаю вас, — произнес он надменно и холодно, упорно игнорируя Суворова взглядом.

— В общем, дело такое... — Тот сцепил пальцы с такой силой, что белыми стали не только ко-

• *Шоу семейных секретов* •

стяжки, но и кожа на кистях. — Моя жена кинула меня на деньги и сбежала. Я хочу написать заявление о ее пропаже.

— Изложите все подробно, — потребовал Илья. — Когда, как и при каких обстоятельствах.

— На бумаге?

Илья поймал легкий отрицательный взмах Кириной головы и сказал:

— Можете пока устно. А там решим, как квалифицировать вашу историю с исчезновением.

— История — полный отстой, капитан. — Кривая ухмылка тронула жесткий рот Суворова. — Непонятная, беспричинная, подлая история бегства моей жены.

ШАБА 3

Виталик Коломов с легкой улыбкой рассматривал молодого капитана, явившегося в его частную контору с раннего утра без всякого приглашения и предварительного оповещения. И мысли у него при этом были маетные, нехорошие.

Ну, вот начинается! Он так и думал! Вернее, не думал и не хотел, но предполагал, что так будет: Суворов пойдет в полицию и напишет заявление об исчезновении жены. А те первым делом навестят его — Виталика Коломова, потому что он уже работал по этой теме и у него имеется информация. Попробуй, докажи ментам, что она денег стоит! Они после такого ответа быстро палок натывают меж каждой спицы в его легко вращающемся

колесе. Дела-то у него шли неплохо, даже очень хорошо. Подумывал штат пополнить помощниками. Надоело самому мотаться с фотоаппаратом в поисках подтверждения неверности супругов. Случались другие дела, и он их раскрывал, да. Не сразу, но выходило обойти полицию. Пока они отчеты строчили и обрастали бумагами, Виталик действовал.

Все у него шло замечательно, пока не позвонил Суворов. Он сразу понял, что история дрянь, с какой стороны ни рассматривай. Если бы не щедрость заказчика, сразу бы отказался. И дело даже не в том, что он не надеялся на положительный результат — просто предполагал, что рано или поздно все закончится таким вот визитом представителей полиции.

Он очень не любил с ними сотрудничать. Очень! Почему? Да все просто! Он вкалывал, а они приходили и сливки снимали. И звезды потом на погоны получали на его разработках.

А разве он обязан?

Виталик перевел взгляд с молодого капитана за окно. Это всегда помогало отвлечься от маетных мыслей независимо от того, что там: солнечный день или хмурое ненастье. Сегодня с утра зарядил мелкий дождь, и сквозь окно одиннадцатого этажа, где он арендовал офис, город казался присыпанным мелко раскрошенным графитом. Виталик не очень жаловал такие пейзажи: серое небо, серые дома, серые деревья. Но это было все же лучше, чем смотреть на розовощекого капитана Галкина.

• *Шоу семейных секретов* •

Почему-то он сразу не понравился Виталику. Какая-то жилка в подреберье дернулась, стоило малому войти в его офис и вежливо поздороваться.

— Присаживайтесь, — процедил сквозь зубы Виталик, понимая, что далее держать паузу невежливо и опасно. — Чем же я могу вам помочь?

— О, на помощь вашу очень рассчитываю, Виталий Васильевич. И не я один.

Парень тоже был мастак сохранять интонацию. Дождался, когда левая бровь Виталика вопросительно поползет вверх, и продолжил:

— А также майор Назарова Кира Сергеевна. Привет вам от нее, кстати.

— О, Кира! — не сумел удержаться от восторженного возгласа Виталик. — Она все еще в полиции? Не подцепила олигарха и не укатила за границу?

— Кира? — изумился капитан Галкин. — А собиралась?

— Нет, но... — Виталик вяло взмахнул руками. — Но при ее-то внешних данных просиживать не штаны, а юбку, в полиции... Странно, но время ее не меняет. Видел тут как-то репортаж по телевизору. По-прежнему... По-прежнему прекрасна. Она вас сюда направила?

— Так точно, — соврал Галкин.

Он здесь находился по совету и рекомендациям самого господина Суворова. Евгений Иванович был уверен: ушлый частный детектив что-то скрыл от семьи. Но самому детективу об этом знать совсем необязательно, не так ли?

— И что же хотела через вас узнать у меня Кира Сергеевна?

Виталик поставил на стол растопыренные пальцы и почти нежно глянул на капитана. Он вообще производил впечатление мирного, мягкого человека. Даже увальня, постоянно борющегося с лишним весом. Никто бы не смог догадаться, что происходит в его душе, какие мысли рождаются в голове, и какие побуждения он в себе душил.

— Что у вас есть по Элеоноре Суворовой?

— Я так понимаю, супруг все же явился к вам и написал заявление о ее исчезновении?

— Да.

— Спусти столько времени... — Виталик укоризненно качнул головой. — Прошло почти полтора месяца. Вы в курсе?

— Да.

— В тот день, когда она сбежала или исчезла, — как вам будет удобно трактовать, товарищ капитан, — Элеонора перевела деньги со счетов мужа на свой личный. И обналичила всю сумму в банке на той же улице.

— Как смогли собрать всю сумму так быстро? Думаю, средства были немалые.

— А Суворов не признался, сколько именно? — Серые глаза Виталика зажглись усмешкой.

— Нет.

— Там было очень, очень, очень много денег. Элеонора вывезла их из банка в чемодане для путешествий. С ними села в машину. С ними вышла. Денег было много! И да, вы правы. Сразу банк та-

• *Шоу семейных секретов* •

ких наличных средств не собрал бы. Она договори-
лась заранее.

— О как! У нее там был сообщник?

— Может, да, а может, и нет. — Виталик сло-
жил растопыренные пальцы домиком и тронул
кончиками нос. — Я узнавал... Этот банк не очень
охотно работал с самим Суворовым. То ли лич-
ное что-то, то ли еще какая причина. Его бизнес
там средств не держал. А вот супруга все свои
личные сбережения хранила. И скажите на ми-
лость, кому взбредет в голову оповещать Суво-
рова, с которым не было контактов, о состоянии
ее счета? Думаю, она не случайно выбрала этот
банк.

— Думаю, да. — согласился Галкин. — Она
выбрала тот банк, где у супруга не водилось дру-
зей. Умно.

— Очень! Элеонора вообще очень умна и обра-
зованна. Он без нее... Не скажу, что пропадает, но
не блистает точно, — не без удовольствия конста-
тировал Виталик.

— Кто забрал ее от банка?

— Совершенно случайный человек. Ехал на
машине мимо. Она вскинула руку, он остано-
вился. Довез до какого-то местечка в спальном рай-
оне. Высадил там, проводил взглядом, как он ут-
верждает, завистливым, и уехал.

— Данные этого водителя вы мне предоста-
вите?

Он почти не спрашивал. Этот розовощекий го-
лубоглазый молокосос был уверен, что Виталик
поделится информацией. А куда ему деваться?

— Вот, здесь все. Копируйте себе. — Он швырнул через стол папку с делом Элеоноры Суворовой. — Отчеты заказчику. Контакты.

Галкин поблагодарил и поспешил к ксероксу, что стоял на соседнем столе. Минут пять он делал копии. Бумаг было немного, и он спешил. Свернул свои копии трубочкой, сунул подмышку, папку вернул Виталику.

— Виталий Васильевич, мне очень важно знать ваше личное мнение, — медленно начал плести паутину лести молодой коллега Киры Назаровой. — Что вы думаете обо всем этом?

— Я? — фыркнул Виталик. — Полноте, капитан! С вашим рвением, инструментами и рычагами воздействия! Вы найдете ее мгновенно. Кто я?

— И все же. Что вы думаете об этом деле?

Виталик снова уставился на окно. Графитовая серость дня стала жиже. Сквозь низкие тучи продиралась голубизна небес. Погода налаживалась.

— Я думаю, что это дело весьма и весьма запутано, капитан, — смилостивился он до откровений. — Элеонора забрала чемодан денег из банка и пропала... Муж сокрушается, но не идет в полицию... Дети не кажутся расстроенными... И опять же, мне неизвестно, был ли у Элеоноры любовник.

— Любовник?

Галкин вспомнил, с какой уверенностью убеждал их Суворов, что его супружеская жизнь, если и не была сахарной, но точно не строилась на изменах. Они всегда были друг у друга на виду.

— Однако же ей удалось оставить его с носом, — усмехнулся Виталик, когда Илья поде-

• *Шоу семейных секретов* •

лился с ним. — У нее был сообщник. Это совершенно точно. Одной было бы сложно все это провернуть. И сложно было бы спрятаться. Это мог быть кто угодно: любовник, брат, знакомый, сын, дочь... А муж... Муж мог давно найти ее и убить, а тело спрятать. И теперь разыгрывать комедию. Сначала передо мной, потом перед вами. Знаете, товарищ капитан, что я думаю по поводу пропавших со счетов денег?

Галкин вопросительно уставился на него.

— Они могли исчезнуть только с его молчаливого согласия. Он мог просто за всем этим наблюдать со стороны и ждать, что будет дальше. Знаете, как сытый кот за глупой мышью? Приблизительно так, да.

— Другими словами, версий уйма?

— Сожалею, — развел руками Виталик. — Мне можно было соскочить. И, кажется, я вовремя это сделал. Вам сложнее. Если не найдете Элеонору живой или мертвой, дело повиснет...

За капитаном дверь закрылась уже полчаса назад, а Виталик все сидел и сидел, уставившись в одну точку.

Он маялся опасениями, которые с угрызениями совести не имели ничего общего. Попросту трусил, поскольку не был до конца откровенным с молодым капитаном. Виталик не все документы отдал ему в руки. Было еще кое-что, что он приберет для себя.

После того как Элеонора вышла из машины случайно остановившегося водителя, она не ушла в неизвестном направлении, а пересела в другой

автомобиль. И он совершенно точно ждал на стоянке за углом дома, возле которого ее высадили. Виталику удалось заполнить записи с видеокamer того двора. Недешево обошлось, но он увидел то, о чем сейчас умолчал.

Марка и цвет машины без номеров. Силуэт пассажира, достаточно высокого, с которым Элеонора совершенно точно поцеловалась, когда села на пассажирское сиденье. Это мог быть дружеский поцелуй, родственный, материнский или поцелуй страсти. Но тот человек, которого поцеловала Элеонора, был ее сообщником. Никаких сомнений.

ГЛАВА 4

Пришлось состричь волосы. Предмет ее гордости покоился теперь на какой-то городской свалке в черном мусорном пакете. Или его давно растрепали птицы и свили из ее волос гнездо. Из такой шикарной шевелюры должно было получиться не одно гнездо, размышляла Элеонора, то и дело рассматривая новую себя в зеркале.

Она теперь мало была похожа на себя прежнюю. Короткая неопрятная стрижка. Пряди выкрашены в черный цвет, местами добавлено седины. Это делало ее лет на пятнадцать старше. А если учесть, что в свои сорок восемь она всегда выглядела на тридцать, то теперешний облик каждое утро вгонял ее в ступор. Стоило глянуть на себя в зеркало, как накатывала оторопь.

• *Шоу семейных секретов* •

Конечно, можно было воспользоваться париком. Серж настоятельно советовал, едва не со слезами наблюдая за тем, как она режет свои волосы. Но Элеонора решила не рисковать. Парик — это всегда риски. Кому-нибудь на таможенном контроле придет в голову дернуть ее за волосы, и последует неминуемое разоблачение. Тогда она точно не будет похожа на ту тетку с фотографии в новом паспорте, который ей все никак не готовят. Серж каждый день кормил ее «завтраками», отводил взгляд и неуверенно мямлил. И она знала почему.

Он был разочарован ее обликом. Она превратила себя в старуху, а он к ее новому образу был не готов. Особенно в гриме, который она накладывала перед выходом на улицу. И со специальными вкладышами под щеки. Он не узнал ее в первый раз, когда она осмелилась выйти из дома. Прошел мимо с букетом цветов, который тщательно прятал в большом пакете. Она его окликнула, и он отшатнулся, когда узнал ее голос. С того дня все и началось.

Он перестал любить ее как-то вдруг и сразу. И даже в темноте в постели не был прежним. Элеонора сначала растерялась, потом расстроилась, но, успокоившись, приняла твердое решение.

Она одна. Теперь она одна станет решать свои проблемы. И надеяться ей не на кого.

Встав со стула у зеркала с растрескавшейся амальгамой, Элеонора пошла в ванную. Долго хлила свое тело массажной мочалкой и маслом. Тела под одеждой не было видно, и оно не выдавало

бы ее на людях. Потом вымыла голову, тщательно вытерлась и начала одеваться к ужину. Серж обещал сегодня заказать еду в ресторане.

— Сам заберу. Сам привезу, — отрапортовал он по телефону.

— С чего вдруг? — удивилась она.

Вообще-то Элеонора никогда не ела на ночь. Вообще ничего. После семи вечера только вода, и Серж об этом знал.

— Хочу праздника, милая. Нашего с тобой праздника. Давно никуда не выбирались. Давно не было как раньше.

Она хотела ему напомнить, что вместе они никогда и так не выбирались. Серж присутствовал на мероприятиях, которые она посещала вместе с мужем, но подойти не смел. Не смел даже с ней поздороваться. Они наблюдали друг за другом краем глаза, не более. Серж отчаянно ревновал. Нервничал. Она скучала.

Что в этом было хорошего? Зачем ему именно это «раньше»? Разве не хотели они нового будущего? Только их — без ее семьи, без его девушек. Без нервных тиков от мыслей, что их могут выследить. Да, ожидание будущего затянулось. Но это ведь не ее вина. Серж тянет с документами. Все, что ей нужно, это пересечь границу. Обо всем остальном она уже позаботилась. И как! Даже он не знает. Это был только ее секрет.

Голой она прошла в спальню квартиры, арендованной на ее новое имя. Хозяин умница не потребовал паспорта. Элеонора заподозрила, что тот сдавал квартиру, которую сам сни-

• *Шоу семейных секретов* •

мал. Больно вертляв был при встрече. В глаза не смотрел.

Плевать. Ей осталось жить в этих замечательно благоустроенных стенах не больше недели. Если Серж и дальше станет тянуть, она пересечет границу со своим паспортом. Задерживать ее не за что. Арестовывать тоже. Она забрала свое, и ее мужу об этом прекрасно известно. Иначе ей в затылок давно бы уже дышала полиция.

И шифруется она все больше из-за Сержа. Если их вместе увидят, от него ничего не останется, даже мокрого места. Женя ему не простит. Ей — возможно. Сержу — нет.

Элеонора открыла полированные дверцы белоснежного винтажного шкафа. Порылась в вещах. Достала длинное шелковое платье изумрудного цвета. Под него нашла шарф. Красиво обмотала им голову, чтобы не было видно волос нового отвратительного оттенка. Надела платье и села за туалетный столик перед зеркалом, которое намеренно состарили дизайнеры. Макияж занял чуть больше времени, чем прежде. Сегодня она хотела понравиться своему любовнику. Немного его побаловать.

Закончив с лицом, она пошла в просторную кухню. Выдвинула на середину круглый стол, накрыла его льняной скатертью, которую нашла в ящиках. Расставила тарелки, бокалы, разложила приборы. Посмотрела на часы. До приезда Сержа оставалось десять минут.

Элеонора вернулась в гостиную. Включила телевизор. Побродила по каналам. Нигде нет ново-

стей о ней. Значит, Евгений по-прежнему считает ее живой и невредимой. Вероломной, но не мертвой. Она поддержала плечами и потянулась к компьютеру.

С мужем ей было все более или менее понятно. Он поначалу пришел в бешенство. Потом успокоился, но не смирился. Он станет ее искать, но не привлекая лишнего шума. А дети? Что с ними? Скучают по ней, как она по ним? Ищут?

Под фальшивым ником Элеонора вошла в их любимые социальные сети. Почитала новости, которыми делились ее дети. Ничего нового. Ничего существенного. Все как вчера, позавчера, неделю и две назад. Сын о ней не вспоминал вообще, выкладывая фотографии своих пирушек или новых девочек. Дочь поначалу еще сокрушалась из-за вероломности матери, а теперь тоже о ней забыла. Новые парни, новые тачки. Женя перед ней всегда заискивал и сейчас не переставал баловать.

Как только в замке заворочался ключ, Элеонора выключила ноутбук, закрыла его и, грациозно поднявшись с кресла, пошла в прихожую.

— Привет, — улыбнулась она ему одними губами. — Что-то случилось?

Серж выглядел потерянным, съежившимся. Всегда аккуратно зачесанные волосы растрепались, свисая на лицо. На пиджаке меловые пятна.

— Ты упал? — Элеонора подошла, пытаясь взглянуть ему в глаза. — Серж?

— Нора... Прощу тебя, не надо! — Он взял ее руки, потянувшиеся к его лицу, и развел их в стороны. — Прощу тебя!

• *Шоу семейных секретов* •

Его губы задрожали, глаза наполнились слезами.

— Что стряслось?

Она наклонилась и подняла пакеты с едой, которые он выронил, едва переступив порог.

— Я не могу так больше, — горестно прошептал Серж и сполз по стене на пол, безвольно вытянув ноги. — Все пропало, Нора! Все пропало!

Она не терпела мужских истерик. Женя не позволял себе слюней и соплей никогда. Скандал мог устроить, руки распустить, это да. Но чтобы слезы! Она и себе не давала подобных поблажек. Ее слез почти никто не видел.

Элеонора ушла на кухню и принялась доставать из пакетов еду. Всего было много, пахло вкусно, выглядело аппетитно. Но среди того, что она выкладывала на блюда и тарелки, не было ничего любимого ею. Она в принципе не ела на ночь. Но могла бы проглотить пару кусочков запеченных овощей и рыбы на пару. Сержу было об этом известно. А он словно нарочно набрал мяса, картошки, каких-то агрессивно пахнущих маринадов. И вина взял крепленого. Она его не пила. Никогда!

Последние приготовления к ужину проводились ею в легком раздражении. Потрачены деньги. Ее деньги, между прочим! Но не для нее. О чем он думал вообще? И чего там копаются? Застрял в ванной — Элеонора слышала шум воды, фырканье и странные стоны, словно ему было больно. И вдруг подумала, усаживаясь за стол: черт с ним, с Сержем! Пора заканчивать весь этот цирк. Парень свое отработал. Выходное пособие

она загодя приготовила. Вот сегодня после ужина и сообщит ему о прощании.

Но Серж неожиданно ее опередил.

— Нора, нам надо расстаться, — произнес он невнятно, не поднимая глаз от тарелки, с которой только что смел почти все.

— Так... — Она опешила. — Объяснись.

— У меня была полиция! — Он поднял на нее красные от слез глаза.

Видимо, в ванной все же расплакался в полную силу, оттого так долго там и пробыл.

— Полиция? — Элеонора откинулась на спинку стула и задумалась.

Женя всерьез решил ее найти. Хочет вернуть деньги или так сильно переживает за нее? Неужели все же любит? По-своему, конечно, странно, но любит...

— Что хотела полиция?

— Они ищут тебя.

— Не прошло и двух месяцев. — Элеонора сдержанно улыбнулась. — В какой связи поиски? Хотят привлечь к ответственности или...

— Или! Твой муж написал заявление о твоём исчезновении.

— Упс-сс... — прошипела она и сощурилась. — Проняло-таки Женечку. Разволновался. Речь о деньгах шла?

— Почти нет, — подумав, ответил Серж. — Просто спросили, кто обслуживал тебя, когда ты получала деньги в нашем банке. Переговорили с девушкой-кассиром.

— Что она сообщила им?

• *Шоу семейных секретов* •

— Я не знаю! — Лицо Сержа вдруг сделалось испуганным. — Эта кассирша... Она немного в меня влюблена. И что могла придумать, не знаю.

Элеонора погасила улыбку. Послушать Сержа: в него все были влюблены. Кто немного, кто серьезнее. Но теперь-то она знала, что единственным человеком, который любил его больше всех на свете, был он сам!

— А что она могла придумать? — решила уточнить Элеонора, хотя ей было все равно.

Она приняла решение. И изменить уже ничего невозможно.

— Ну... Что я помогал тебе. Скрыл от твоего мужа поступление денег на твой личный счет со счетов его фирмы.

— Ты не имел права разглашать. Тайна банковских вкладов у нас защищена законодательством.

— Ай, брось! — недовольно поморщился Серж. — У нас все защищено законодательством, а беззаконие на каждом шагу. Ко мне уже приходил этот чертов Коломов и бряцал оружием и...

— Серж, остановись, — попросила Элеонора с теми самыми властными нотками в голосе, которые заставляли заткнуться даже ее мужа.

— Что? — Он съежился на стуле, сделавшись похожим на нахохлившегося попугая.

От мужчины, из-за которого она потеряла голову, в нем не осталось ничего.

— Виталик Коломов всего лишь частный детектив с подмоченной репутацией... Странно, что

Женька к нему обратился. Многим известно, что Виталик жульничает с клиентами.

— В смысле, жульничает?

— Обманывает. — Элеонора рассеянно отщипнула от виноградной грозди несколько ягод. — Моя хорошая знакомая рассказывала как-то, что Виталик изображает бурную деятельность, а на самом деле просто тянет время и деньги. Если бы он захотел, он бы нас с тобой нашел.

— Каким образом? — Серж сильно побледнел.

— Ну, ясно же, что в банке у меня был сообщник. Ребенку ясно! Странно, что Коломов не догадался проследить за каждым из сотрудников. Я бы так и сделала. А он нет.

— А если догадался? — просипел Серж.

— Если бы догадался, давно бы уже сдал нас с тобой Женьке.

— А Евгений Иванович... Он не догадался? — Серж принялся оттягивать воротник домашней трикотажной кофты, словно тот душил его.

— Евгений Иванович, мой дорогой Серж, прекрасно понимает, что те деньги, которые я выдержала из его бизнеса, мои. Сам бы он мне их никогда не отдал. И развода бы не дал. Я все сделала за него. Сама. Он злился, бесился, но понимал собственное бессилие. А то давно бы уже у отделения полиции гарцевал.

— А сейчас почему туда пошел?

— По-настоящему встревожился. Не из-за денег, — с тайной надеждой произнесла Элеонора. — А из-за того, что со мной могло что-то стрястись. Действительно страшное.

• *Шоу семейных секретов* •

Она замолчала, уставив взгляд на черный квадрат незанавешенного окна, и задумалась.

А стоило оно того? Так ли уж необходимо было устраивать весь этот балаган с хищением денег со счетов фирмы и бегством? Может, стоило с ним договориться? Подать на развод, как подобает, и на раздел имущества. Может, стоило поступить как-то цивилизованно? Ответ всплыл немедленно.

С Женькой договориться было невозможно. Она уже пыталась восемь лет назад и очутилась на больничной койке в санатории. На принудительном лечении. Только санаторием его Женя называл для детей и друзей. На самом деле, это была самая настоящая психушка. Он приезжал каждый день и говорил одно и то же:

— Если еще раз надумаешь от меня уйти, сдохнешь, милая, на такой вот койке. Не знаю когда. Может, сразу, а может, лет до ста доживешь. Но на больничной койке.

Он наклонялся очень низко, дышал ей в лицо перегаром, облизывал ее рот и целовал его вза-сос. А она даже отодвинуться не могла. Была при-вязана.

— Так что хорошо подумай, прежде чем впредь надумаешь завести разговор о разводе...

Элеонора подумала. И вот она здесь: в чужой квартире, за чужим столом. С человеком, который оказался слабым звеном, и от которого ей надлежит теперь избавиться.

— Да, ты прав, Серж. Нам надо расстаться.

— Да. — Он жалко улыбнулся. — Прости, что не оправдал.

Галина РОМАНОВА

— Я приготовила тебе выходное пособие. В прихожей в шкафу в сумке.

Он не дослушал: бросился туда и стал рыться. Даже посчитал — банковский работник. Когда вернулся, Элеонора поняла, что суммой вознаграждения Серж доволен.

— Не рассчитывал. Спасибо, — пробормотал он, снова хватаясь за столовые приборы.

— Сейчас тебе лучше уйти. — Она брезгливо поморщилась. — И будь осторожен. Не сори деньгами и не открывай счетов. Они все будут дышать тебе в затылок. Прощай...

ГЛАВА 5

Семья ужинала молча. Отец — хмурый, трезвый ковырялся вилкой в тушеном мясе с овощами и без конца пил воду из высокого стеклянного стакана. Мясо было вкусным, мягким, просто таяло во рту, придраться было не к чему. А он не ел. Аппетита без спиртного нет, видимо. А чего не налил себе? Кто его мог ограничить без матери?

Эдик глянул в свою тарелку. Отец хотя бы делал вид, что ест, а он даже вилки не коснулся. Одна Эльза ела, как не в себя, уже дважды подкладывала. Эдик брезгливо поморщился. Сестра в последнее время прибавила в весе. Возможно, именно потому, что не контролировала аппетит. А может...

— Ты не беременна, Эльза? — прищурился он.

• *Шоу семейных секретов* •

— С чего ты взял? — Она ответила, не поднимая взгляда от тарелки.

— Appetit у тебя... Жрешь за двоих. Или за троих. Это если двойня. — Он хихикнул и покосился на отца, но тот не реагировал.

— Я не беременна, — тихо возмутилась Эльза и, оскалив забитый едой рот, просипела: — Придурок!

Эдик промолчал в ответ, но многозначительно поводит глазами и с такой скорбью принялся вздыхать, что проняло даже отца.

— Эльза, детка, если есть что-то, о чем нам надо знать, скажи это прямо сейчас, — глянул он на нее исподлобья.

— Ты о чем, Жень?

То, что она назвала отца по имени, означало, что она сердита и на него, и вообще на все. Эдик с отцом переглянулись.

Что с ней? Гормоны? Неприятности? Или все вместе?

— Я о том, дорогая, если ты беременна, то...

— Нет, я не беременна. Не надо повторять всякую чушь за этим придурком.

Она лягнула брата под столом.

— Тогда откуда такой аппетит?

Отец шире распахнул глаза, и в них забрезжила тревога. Самая настоящая. Неподдельная. Эльзу проняло. Она задумалась, принялась загибать пальцы и сверяться с чем-то в мобильном.

— Сама не знаю. — Ее гладкий лоб пошел морщинами. — Залета нет сто процентов. Наркотой не балуюсь, в отличие...

Брат ответил ей пинком под столом.

— А что такое, па?

— Надо сдать кровь. На глюкозу. — Отец отодвинул почти не тронутое мясо в сторону. — Твоя бабушка по матери страдала сахарным диабетом. Вдруг это...

— Да брось, па! — Эльза неуверенно хохотнула. — Я и сахарный диабет? Что это вообще такое?

Эдик полез из-за стола, пользуясь диалогом, в котором не желал принимать участия. Здоровье сестры, равно как и остальных членов его семьи, его совершенно не трогало. Его беспокоили проблемы, которые нагрязнули неожиданно и как-то вдруг.

Послезавтра истекает срок возврата долга, у него по нулям. Отец наложил запрет на все банковские операции фирмы, которую возглавлял Эдик. Это после того, как он по неосторожности и глупости отказал ему в деньгах, когда мать сбежала.

Сука! Эдик отчетливо скрипнул зубами, поднимаясь по лестнице на второй этаж, где располагались спальни.

Старая развратная сука! Променяла семью на какого-то мажора, альфонса! Вогнала их всех в депрессию, а Эдика вообще в долговую яму. Прежде отец никогда не следил за его делами. Раз в месяц проверял отчетность, и все. Теперь же он контролировал ежедневно: что, откуда, зачем...

Не простил. Так и не простил отказа в помощи. А он тоже хорош, взял и отцу отказал. Разве так

• *Шоу семейных секретов* •

можно? Ни прозорливости, ни дипломатии. Надо было просто пообещать и уйти от прямого ответа. А он...

— Сожалею, па... На счетах почти пусто, — соврал Эдик. — Закупка оборудования для нового филиала высосала почти все. Нет, у нас, конечно, есть дебиторские задолженности, и предостаточно. Но когда они придут?

Ох, сколько тогда выслушал Эдик о самом себе и о собственном неумении вести дела! И мудака он, и засранец, и голожопая тварь. Бизнес вести не может. Дебиторам поблажки давать нельзя, надрывался отец. На шею сядут. И вообще...

Тут-то Эдик и узнал, что на самом деле не является хозяином компании. Папаша лукавил, когда всем так говорил, и ему в том числе. Учредительные документы, которые Эдик-дурачок хранил в своем сейфе, на самом деле липа, а в Росреестре учредителем значится совсем другое лицо. И ему — лоху такому-то и такому — неплохо было бы для начала обо всем узнать и подстраховаться, прежде чем отцу отвечать отказом.

С того дня в жизни Эдика началась не просто черная, а иссиня-черная полоса. Отец следил за каждым его шагом. Контролировал его траты по банковской карте, чего не делал с шестнадцати лет. Наличных денег, которые Эдику были нужны на запретное, почти не осталось. Зато у мамы был целый чемодан. Их общих денег!

— Старая сука! — снова скрипнул зубами Эдик.

Осторожно свесившись через чугунные перила лестницы, он глянул на отца и Эльзу. Они были заняты оживленной беседой. Отец даже принялся жестикулировать, чего давно не делал. После бегства матери он словно окаменел. Они заняты, сделал вывод Эдик и свернул к спальне сестры.

У Эльзы не был перекрыт источник доходов. Отец исправно пополнял ее банковскую карту. Безлимитный счет он ей все же поостерегся открывать.

— Слишком много соблазнов, — туманно пояснил он сыну. — Не выдержит.

Эдик не стал тогда его допрашивать, но мысленно позлорадствовал. Невзирая на острую любовь к дочери, доверять ей отец все же опасается.

Эльзе денег хватало и даже оставалось. А отец еще давал ей наличные на тот случай, когда счет нельзя было светить. Вот за ними-то Эдик и сунулся в ее комнату.

Вообще-то у каждого из них было по квартире в городе. Они прежде там и жили, чтобы не раздражать вечно недовольную мать. Эдика, между прочим, это очень даже устраивало. Это Эльза все за мамин подол держалась, а он давно этим не страдал. Лет с десяти, наверное. Подрастая, вообще заподозрил, что не родной им. Слишком велик был контраст в отношении родителей к сестре и к нему. Года два он считал себя подкидышем. Потом, когда появились личные деньги, сдал анализы, выкрав из расчесок родителей по волоску.

Удивительно, но родство подтвердилось. Они на сто процентов отец, мать и сын. И если холод-

• *Шоу семейных секретов* •

ность отца Эдик еще мог объяснить: мужик мужика иначе воспитывать не должен — то матери ее отчужденности простить не смог.

Они отдалялись год за годом. В последнее время двух слов могли за месяц не сказать друг другу. Мать никогда не звонила ему первой, не проявляла элементарного беспокойства. Если звонил он, говорила односложно, задавала вопросы без интереса.

Однажды утром, когда его особенно остро ломало, а на покупку дозы не было сил, он вдруг расплакался и принялся в полный голос проклинать мать. Ему неожиданно сделалось легче, он уснул и проспал почти сутки. А пробудившись, ощутил себя живым и самостоятельным. Понял как-то вдруг и сразу, что теперь за его жизнь никто не несет ответственности, раз за нее некому беспокоиться. Это только его забота.

Он стал разборчивее во всем: в связях, в дозах, в препаратах. Отец, присмотревшись к нему, заметил перемены и якобы подарил ему фирму. Старый мудак! Ну, ничего. Он и с этим справится. Главное, переждать и денег перехватить. А чтобы окончательно не увязнуть в долгах, сделать это так, чтобы не было необходимости их отдавать. Вообще! То есть он должен взять их у Эльзы. Попросту украсть. Ничего, переживет.

Эдик не был уверен, что Эльза держит наличные в своей комнате. Она запросто могла хранить их и в квартире, но...

Поразмыслив, Эдик все же решил, что деньги у нее здесь. В квартире часто бывает слишком

много чужих людей. Эльза бывало пьяной отключалась. И эти люди могли шарить по ее шкафам и полкам. Это риск быть обворованной. А Эльза рисковать не любила. В чем-чем, но не в деньгах. Она им счет вела.

Деньги точно здесь!

Эдик начал с выдвижных ящиков. Их он насчитал двадцать четыре штуки. Комоды, шкафы, туалетный столик, тумбочки возле кровати. Везде выдвижные ящики! Он осторожно выдвигал, быстро шарил, задвигал обратно. Какого только добра не напихала туда Эльза! И колготки вперемешку с лифчиками и трусами. И глянцево-журналы. Горы, просто горы косметики. Пледы, кофточки, джинсы. Всякого дерьма в двадцати двух ящиках, на помойку не сносить за неделю! Двадцать третий ящик был полон всяких фотографий, распечатанных еще в детстве.

Эдик покосился на верхний снимок, где Эльза в костюме Мальвины плачет у елки в гостиной. Неожиданно вспомнил, что это он довел сестру до слез, сожрав половину конфет из ее подарка. Ящик он не задвинул и перешел к последнему.

Там были лекарства, и неожиданно все было уложено аккуратно. В одной стороне таблетки, в другой — всевозможные пузырьки с микстурами, а также большая коробка с ампулами. Название показалось ему знакомым, но он точно не мог вспомнить, что это за препарат. И шприцы. Много одноразовых тонких шприцов, достаточно дорогих. Он в этом толк знал.

• *Шоу семейных секретов* •

Эдик вытащил длинную упаковку гармошкой и недоуменно вытаращился.

Что он пропустил? Эльза колется? Но нет... не может быть! Она презирает наркотики. Его контролирует. Даже в какой-то момент поддержала, не позволив сползти в черную яму, откуда бы ему точно не выбраться.

Не выпуская из рук упаковку со шприцами, он залез в дальний угол ящика и нашел, наконец, то, зачем сюда пришел. Деньги! Доллары. Не мало. Скручены катушкой и перетянуты резинкой. Эдик быстро сунул их в глубокий карман спортивных штанов. Швырнул обратно шприцы, задвинул ящик, и вовремя. Дверная ручка начала опускаться. Эльза входила в комнату.

— Что ты здесь делаешь? — вытаращилась она на брата, сидевшего на ее кровати в куче фотографий, которые он высыпал из ящика. — Эдик?

— Ты тут такая... Несчастливая! — Он помотал в воздухе фото в костюме Мальвины. — Я слопал тогда твои конфеты, и ты дико расстроилась.

— Помню, — буркнула она, не сводя с него подозрительного взгляда. — Чего это тебя так проняло? Зачем ты здесь вообще?

— Поговорить надо. При отце не хочу. Это касается только нас с тобой. — Он принялся сочинять на ходу.

— Говори.

Она схватила пустой ящик, стоявший у его ног, и принялась складывать туда рассыпанные фотографии.

— Эльза, мне тридцать. Тебе двадцать восемь.

— Да ладно! — криво ухмыльнулась она. — Зашел напомнить?

— Я не об этом. Нам с тобой давно пора перерезать финансовую пуповину, связывающую нас с отцом. Пора! Давно! — Он с силой ударил кулаками по ее кровати. — Мы слишком зависимы.

— Я нет, — опротестовала Эльза, тряхнув головой.

— Мы слишком уязвимы, — не стал спорить Эдик.

Ему надо было быстрее выбираться из ее комнаты, пока сестра не обнаружила пропажу денег и не закатила истерику. Но подниматься с кровати лучше, когда она отвернется. Плотный валик из долларов будет замечен в его трикотажном кармане.

— Уязвимы? — Сестра с интересом приподняла бровь и присела на прикроватную тумбочку. — Что ты имеешь в виду?

— Мать нас бросила. Своровала все деньги и укатила куда-то с любовником. Ее даже не озаботил тот факт, что мы с тобой можем остаться нищими! Отец меня кинул. Обещал подарить фирму, а на деле... Сама знаешь. А ты?

— Что я?

— С тобой дела обстоят не лучше. У меня хотя бы зарплата, а у тебя только подачки от папы. Завтра папа со своей любовницей захочет сбегать, и что? У меня хотя бы зарплата на фирме, — повторился Эдик, заметив, что сестра призадумалась. — А у тебя? Квартира в центре

• *Шоу семейных секретов* •

Москвы? Так ее содержать надо. Платить коммуналку, за уборку и прочее. Работать пойдешь?

— Я?! — отшатнулась в ужасе Эльза. — Кем?

— Вот именно! — поиграл бровями Эдик.

Сестру, кажется, проняло. Она опустила голову и задумалась, покусывая губы. Потом глянула на него с интересом и спросила:

— Что ты предлагаешь? Каким образом мы перережем эту финансовую пуповину? Как станем избавляться от зависимости?

— Резко и сразу не получится.

Эдик тяжело вздохнул, вспомнив о своем пристрастии, но тут же встряхнулся.

— Нам надо найти мать и потребовать свою долю. Какого хрена она все заграбастала? — Он глянул на сестру с обидой. — Даже о нас не подумала!

— Идея неплохая, — неожиданно поддержала его Эльза. — Но где? Частный детектив не справился. Отец написал заявление в полицию, и тоже тишина.

— Отец написал заявление? — изумленно округлил глаза он. — А я не знал.

— Только что признался мне. Переживает...

— Переживает... Переживет... У него средства есть. Он всегда выплывет. А вот мы с тобой...

Эдик заерзал задом на жестком матрасе. Ему пора было сваливать. Эльза могла заметить тугой денежный рулончик. Если отберет, он точно не выкрутится.

— А мы с тобой что? — заинтересованно отозвалась она.

Галина РОМАНОВА

— Пойдем дальше, чем частный детектив и полиция. Мы точно найдем ее, сестренка.

— Интересно где! — фыркнула она, недоверчиво покосившись на него.

— Где — не знаю. Зато знаю, с чего начать! — Эдик ловко соскочил с ее кровати, сразу сунув кулак в оттопыренный карман, и пошел к двери, на ходу рассуждая: — Мать не смогла бы все это проверить в одиночку. Тут я с частным детективом согласен на все сто. У нее был сообщник или любовник. Или и то и другое в одном лице. Найдем его — найдем мать.

ГЛАВА 6

— Здравствуйте, Алла.

В окошко кассы сунулась голубоглазая физиономия полицейского, который уже беседовал с ней. Она уже рассказала ему, что могла, и он был очень опасен, невзирая на его улыбочки.

Внутренне подбираясь, Алла приветливо улыбнулась в ответ и пробормотала:

— Здравсте.

— Вы могли бы мне уделить еще несколько минут вашего драгоценного времени?

— Простите, но никак не могу. — Она слегка приподняла и опустила узкие плечики. — У меня отчет по кассе. Надо в течение часа все сделать.

Она искренне надеялась, что противный полицейский ни за что не станет ждать час. У них со временем всегда беда, вечно торопятся и не успевают.

• *Шоу семейных секретов* •

Но Алла ошиблась. Капитан Галкин еще более лучезарно улыбнулся ей и пообещал подождать.

— Пойду пока с Прониным вашим пообщаюсь.

Капитан уже отошел от перегородки из пуленепробиваемого стекла, когда Алла крикнула ему в спину:

— А Сергея Алексеевича сегодня нет.

— Да?

Галкин резко встал, обернулся и сделал изумленное лицо. Алла сразу поняла, что лицедействует. Наверняка пришел к ней от кабинета Сережи. Подергал дверь, а там заперто. Справился у коллег, они и сказали. Алла уже прошла весь этот путь. Наверняка и Галкин тоже. А морду корчит, изображая удивление.

— А что случилось? — Он вернулся к кассе и снова сунулся в окошко.

— Я не знаю.

Она досадливо поморщилась и принялась усиленно изображать занятость. Бумаги перебирала, с калькулятором без особой нужды работала. Известно, что все программы сейчас в компьютере. Там и подсчет ведется и отчет. Но Алла делала вид, что работает и у нее не все получается.

— А мы могли бы ему позвонить? Скажем, с вашего телефона? — Он смотрел на нее пытливо, противно.

— Зачем? У нас так не принято. Я кассир. Он начальник отдела, — ответила она и не соврала.

— Под мою ответственность. — Он приложил к груди руку. — Или дайте мне его номер, чтобы я позвонил ему со своего.

Галина РОМАНОВА

Алла задумалась. Дать телефон Сережи, конечно же, можно. Но он не ответит на вызов с незнакомого номера. Точно не ответит. Такая у него принципиальная позиция. И не у него одного. С другой стороны, у нее появилась прекрасная возможность позвонить ему. Появится ли она еще или нет, кто знает!

— Хорошо, я наберу.

Она достала телефон. Нашла его номер. Набрала. Гудки шли, Сережа не отвечал. И это было странно. Он видел, что звонок от сотрудника банка. Знал, что ее позавчера допрашивала полиция, и сам приставал потом с расспросами. Просил держать его в курсе подобных разговоров. Она как раз по этому поводу и звонит ему.

Ну... Ну, может, еще немного потому, что хочет услышать его голос.

Она набрала его трижды. Он не ответил. Тогда Алла позвонила в секретариат и узнала, что Сережа никому не звонил и не предупреждал, что не приедет на работу.

— Ни про какие больничные ничего не знаю, Аллочка, — зевнула секретарь Влада.

Она постоянно зевает в трубку, раздраженно подумала Алла. Словно ночью вахту несет на воротах. Некрасиво же и неблагозвучно.

— Надо ехать к нему, Алла, — наморщил лоб капитан Галкин. — Составите мне компанию? Я адреса не знаю.

Узнать он мог у той же Влады. Это очередная уловка заполучить ее в собеседницы на то время, что они будут ехать, и выведать какие-нибудь